

ловное право России. Общая часть / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1998. Т. 1. С. 455).

⁴ См. подр.: Щербаков С.В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

⁵ Познышев С.В. Уголовное право: дополнение к двум выпускам Общей части. Вып. 1. С. 163.

⁶ См.: Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Части Общая и Особенная. С. 316.

⁷ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая: В 2 т. СПб., 1902. Т. 2. С. 1344; Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая: Пособие к лекциям. СПб., 1896. С. 367.

⁸ Т.Г. Чернова и К.В. Ображиев верно замечают, что в целом ряде случаев при частичном сложении наказаний по совокупности приговоров складывается ситуация, когда совершение нового преступления в период отбытия наказания, по сути, становится обстоятельством, освобождающим от части наказания, назначенного за ранее совершенное преступление (см.: Чернова Т.Г. Назначение наказания по совокупности приговоров по уголовному праву России: Дис. ... канд. юрид. наук. Йошкар-Ола, 2001. С. 70; Ображиев К.В. Проблемы совокупности приговоров в уголовном праве. Ставрополь, 2003. С. 36).

⁹ См.: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 39; Игнатов А.Н. Некоторые аспекты реформирования уголовного законодательства // Журнал российского права. 2003. № 9. С. 25; Галиакбаров Р.Р., Соболев В.В. Уголовный кодекс РФ: поправки с пробелами // Уголовное право. 2004. № 2. С. 15.

¹⁰ См.: Зелинский А.Ф. Повторение преступлений как преступная деятельность // Государство и право. 1995. № 12. С. 57–58.

¹¹ См.: Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 73.

Obshhaja chast' / Pod red. A.N. Ignatova, Ju.A. Krasikova. M., 1998. T. 1. S. 455).

⁴ Sm. podr.: Shherbakov S.V. Recidivnaja prestupnost': kriminologicheskaja harakteristika i problemy preduprezhdenija: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2009.

⁵ Poznyshev S.V. Ugolovnoe pravo: dopolnenie k dvum vypuskam Obshhhej chasti. Vyp. 1. S. 163.

⁶ Sm.: Belogric-Kotljarevskij L.S. Uchebnik russkogo ugovalnogo prava. Chasti Obshhaja i Osobennaja. S. 316.

⁷ Sm.: Tagancev N.S. Russkoe ugovolnoe pravo: Lekcii. Chast' Obshhaja: V 2 t. SPb., 1902. T. 2. S. 1344; Sergeevskij N.D. Russkoe ugovolnoe pravo. Chast' Obshhaja: Posobie k lekcijam. SPb., 1896. S. 367.

⁸ T.G. Chernova i K.V. Obrazhiev verno zamechajut, chto v celom rjade sluhaev pri chastichnom slozhenii nakazanii po sovokupnosti prigovorov skladyvaetsja situacija, kogda sovershenie novogo prestuplenija v period otbytija nakazaniija, po suti, stanovitsja obstojatel'stvom, osvobodhdajushhim ot chasti nakazaniija, naznachennogo za ranee sovershennoe prestuplenie (sm.: Chernova T.G. Naznachenie nakazaniija po sovokupnosti prigovorov po ugovolnomu pravu Rossii: Dis. ... kand. jurid. nauk. Joshkar-Ola, 2001. S. 70; Obrazhiev K.V. Problemy sovokupnosti prigovorov v ugovolnom prave. Stavropol', 2003. S. 36).

⁹ Sm.: Alekseev A.I., Ovchinskij V.S., Pobegajlo Je.F. Rossijskaja ugovolnaja politika: preodolenie krizisa. M., 2006. S. 39; Ignatov A.N. Nekotorye aspekty reformirovanija ugovalnogo zakonodatel'stva // Zhurnal rossijskogo prava. 2003. № 9. S. 25; Galiakbarov R.R., Sobolev V.V. Ugolovnyj kodeks RF: popravki s probelami // Ugolovnoe pravo. 2004. № 2. S. 15.

¹⁰ Sm.: Zelinskij A.F. Povtorenie prestuplenij kak prestupnaja dejatel'nost' // Gosudarstvo i pravo. 1995. № 12. S. 57–58.

¹¹ Sm.: Malkov V.P. Mnozhestvennost' prestuplenij i ee formy po sovetскому ugovolnomu pravu. Kazan', 1982. S. 73.

Идеи социологической школы уголовного права и их востребованность в законодательной практике

К.А. СЫЧ – профессор кафедры уголовного права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

В статье рассматриваются идеи социологической школы уголовного права и их востребованность в законодательной практике. Анализируются и сопоставляются актуальные в настоящее время суждения Э. Ферри, А. Принса и других представителей обозначенного направления о соотношении уголовного наказания и мер социальной защиты, роли государства в борьбе с преступностью, классификации преступников и причинах их поведения, специальном предупреждении, индивидуализации наказания и др. Автор приходит к выводу, что представленная концепция некарательного воздействия оказалась невостребованной жизнью по причине несоответствия фундаментальным положениям уголовного права, обеспечивающим законность и справедливость в отправлении правосудия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : социологическая школа уголовного права; уголовное наказание; меры социальной защиты; преступность; некарательное воздействие.

Ideas sociological school of criminal law and their demand in the legislative practice

K.A. SYTCH – Professor of the Department of Criminal Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor

The article discusses ideas of the sociological school of criminal law and their demand in the legal practice. In the article are analyzed and compared the currently topical assertions of E. Ferri, A. Prince, and other members of the designated direction on the relationship between criminal penalties and measures of social protection, the role of government in the fight against crime, the classification of criminals and the causes of their behavior, special warnings, individualization of punishment, etc. The author concludes that the presented concept of non-punitive impact remained of unclaimed of life because of a fundamental inconsistency with the provisions of criminal law, ensuring the legality and fairness in the administration of justice.

Key words: sociological school of criminal law; criminal penalties; social protection measures; crime; non-punitive effect.

Поиск более эффективных мер сдерживания роста преступности практически обусловил появление в юридической науке нового направления, ставшего известным как социологическая школа уголовно-го права. Его представители (Р. Гарофало, Э. Ферри, А. Лист, А. Принс, И.Я. Фойницкий и др.) не только исследовали причины преступности, но и занимались разработкой новой системы уголовного права, способной более эффективно противостоять ей. С точки зрения уголовно-социологической доктрины, прежняя модель наказания-возмездия, построенная на принципах виновной ответственности, равенства между тяжестью преступления и мерой наказания, нецелесообразна, потому как не способна защитить установленный правопорядок от растущей преступности. Применение наказания, определяемого тяжестью совершенного преступления, по мнению сторонников нового подхода, приводило к тому, что преступника держат в заключении и тогда, когда он по своему психическому состоянию уже более не является опасным для общества, или, наоборот, отбывшего назначенный судом срок наказания, но по своим психическим свойствам еще опасного преступника отпускают домой для того, чтобы он снова совершил преступление¹.

Созданная Э. Ферри теория социальной защиты, согласно которой планировалось найти замену уголовному наказанию, репрессивному по сущности, отводила личности преступника значительное место, признавая ее больной в физиологическом, психическом, социальном и нравственном отношениях. В силу этого делался вывод о том, что наказание не способно принести желаемых результатов и необходимо применять систему специальных мер воздействия и ресоциализации. Главное внимание общества, по мнению Э. Ферри, следовало сосредоточить не на вопросе противодействия преступности путем запугивания и перевоспитания, а на защите его от опасных элементов².

Идея опасного состояния личности, положенная в основу уголовно-социологической доктрины, предполагала, что применяемые к преступнику меры безопасности, социальной защиты должны преследовать цель преодоления состояния опасности личности для общества, а в случае невозможности такового – локализации социально опасных наклонностей человека. Вот почему рассматриваемая доктрина допускала юридическую возможность применения мер социальной защиты даже в случаях, когда лицо еще не совершило преступления, но по своим морально-психологическим, другим индивидуальным особенностям представлялось способным на это.

Заслуживает пристального внимания в этой связи позиция А. Принса, одного из основных теоретиков рассматриваемой школы: «преобразования в уголовном праве заставляют нас признавать опасное состояние даже там, где нет еще преступника, и право вмешательства государства даже туда, где нет ни преступления, ни проступка»³. Такого рода воззрения неминуемо приводят к выводу о том, что следует отказаться от идеи заранее фиксированного размера наказания в норме уголовного закона и применять меры социальной защиты до тех пор, пока в этом есть необходимость.

Парадоксальность идеи Ферри состоит в том, что орудием защиты общества от преступности избираются старые виды наказания – лишение свободы, ссылка, содержание в исправительных домах и др. Существенное различие между мерами социальной защиты и уголовным наказанием, как нам представляется, обусловлено тем, что вид и срок применяемых мер определяются не тяжестью совершенного преступления, а степенью общественной опасности личности преступника, его психическим и нравственным состоянием, якобы угрожающим обществу. При этом сам факт лишения свободы рассматривается сторонниками концепции социальной защиты не как наказание, а как вынужденная мера, преследую-

щая цель обеспечения максимума защиты общества от преступности. «Во всяком случае при лечении преступности, – отмечает Э. Ферри, – как и при лечении всякой общей или душевной болезни, необходимо удалять из общества тех лиц, которые всего менее приспособлены к жизни»⁴.

Э. Ферри является автором теоретического обоснования закона насыщения общества преступностью, суть которого заключается в установлении определенной пропорции между численностью населения, живущего в определенной среде, и числом преступлений⁵. В соответствии с этим законом факторами, оказывающими доминирующее влияние на криминальное поведение личности преступника, выступают: социальная среда, в которой личность находится, природные наклонности и человеческие страсти, передаваемые по наследству.

Закон насыщения преступностью гласит, что во всякой социальной среде имеется известный минимум естественной наследственной преступности, создаваемой антропологическими факторами, которая не поддается какому бы то ни было исправлению или же совершенствованию⁶. В отношении данной категории преступности должны применяться меры, которые не будут носить карательного характера, а призваны преследовать цель изоляции и обезвреживания опасных для общества лиц⁷.

Сходную позицию относительно научной классификации преступников занимал виднейший немецкий социолог и криминалист профессор Ф. Лист, который выделил следующие факторы, влияющие на преступность в целом, а следовательно, и на преступника: 1) физические; 2) общественные; 3) индивидуальные. Это позволило ученому предложить и соответствующую типологию преступников: 1) природные; 2) случайные; 3) привычные – исправимые и неисправимые. При этом А. Лист всячески отрицал идею преступного типа человека Ч. Ломброзо. Природные преступники, по мнению профессора, есть не особый тип человека, а лишь следствие вырождения (дегенерации), результат плохой наследственности⁸.

Стало быть, концепция социальной защиты не отвергает полностью целей предупреждения преступлений и исправления личности преступника. Позиция ее сторонников на этот счет состоит в том, что достичь указанных целей возможно не применением уголовной репрессии, а изменением социальных факторов, влияющих на состояние

преступности. Иными словами, с известной долей допустимости можно констатировать, что согласно основным выводам концепции социальной защиты цели предупреждения преступлений, исправления личности преступника являются категориями не уголовного права, а дисциплин более общего характера, например уголовной политики.

Влияние идей социальной защиты, переживших второй пик своего развития в 30–40-х гг. XX в., было настолько велико, что целый ряд европейских государств стал рассматривать их в качестве альтернативы уголовному наказанию. По данным М. Анселя, с 1919 по 1939 г. все новое уголовное законодательство, развивавшееся на основе романо-континентальной системы кодифицированного права или испытывавшее его влияние, признало меры социальной защиты и придавало им большое значение. Подготовка в этот период ряда уголовных кодексов привела к созданию смешанной системы, в которой сосуществовали и традиционные наказания, и новые меры, получившие название мер безопасности или социальной защиты (испанский уголовный кодекс 1928 г.; югославский уголовный кодекс 1929 г.; итальянский и датский кодексы 1930 г.; польский кодекс 1932 г.; румынский кодекс 1936 г.; швейцарский кодекс 1937 г.)⁹.

Наказание, с точки зрения уголовно-социологической школы, является необходимым средством защиты общества от посягательств. Основанием применения мер социальной защиты является не вина преступника, а необходимость охраны существующего правопорядка, вызванная опасным состоянием личности. Вот почему, чтобы наиболее полно осуществлять поставленную задачу, меры социальной защиты при их назначении должны соотноситься не с объективной тяжестью совершенного преступления, а с особенностями психического состояния преступника.

Принцип индивидуализации при назначении мер социальной защиты является основным в уголовно-социологической доктрине. В соответствии с ним применяемые меры преследуют различные цели: устрашение случайных преступников для укрепления их психических сдержек от повторения преступлений; юридическое направление (приспособление к установленным условиям общественной жизни) или, в случае невозможности достижения такового, изоляция привычного преступника, лечение больного, исправительное воспитание несовершеннолетних.

В рамках уголовно-социологической школы получила заметное развитие теория специального предупреждения. Цели общего предупреждения сторонники этого научного направления отводили небольшое место. Само собой разумеется, что модель специального предупреждения предполагает четкое разграничение отдельных типов преступников (форм опасного состояния) и разработку соответствующих эффективных мер безопасности, способных устранить исходящую от конкретного преступника опасность.

Совершенное преступление, по мнению представителей рассматриваемого течения, является лишь симптомом опасного состояния, с которым не связывается избрание уголовно-правовой санкции. Строгое разграничение отдельных составов преступления, как подчеркивал А.А. Пионтковский, утрачивает при этом свое юридическое значение¹⁰.

Проследим обозначенную тенденцию в советском уголовном праве. Например, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. наряду с наказанием упоминал меры социальной защиты, а в следующем кодексе 1926 г. последние уже полностью вытеснили понятие наказания.

В этом отношении довольно примечательным является то обстоятельство, что идеи социальной защиты были восприняты советской наукой уголовного права положительно. Известный советский правовед Е. Пашуканис писал: «Ведь теоретически даже буржуазная передовая криминалистика пришла к убеждению, что борьба с преступностью сама по себе может рассматриваться как медицинско-педагогическая задача, для разрешения которой юрист с его “составами преступлений”, кодексами, с его понятием “виновности”, полной или уменьшенной вменяемости, с его различиями между соучастием, пособничеством, подстрекательством и т.д. не нужен»¹¹.

К изложенному следует, видимо, добавить, что последователи концепции социальной защиты по инициативе итальянского адвоката Ф. Грамматика в 1945 г. в Генуе основали центр социальной защиты. Вновь образованное общество единомышленников ставило перед наукой задачу по совершенствованию мер борьбы с преступностью. Первый конгресс социальной защиты, как известно, состоялся в Сан-Ремо в 1947 г. В ходе него были определены цели и задачи этого движения.

Однако начиная с 1954 г. в движении социальной защиты обозначились два самосто-

ятельных направления: одно из них тесным образом было связано с идеями Ф. Грамматика, который отрицал всякое значение основных институтов уголовного права (преступления, наказания, вины, ответственности), другое же, основателем которого стал М. Ансель, известно в юридической науке как течение новой социальной защиты. Представления Ф. Грамматика, по оценке А. Пионтковского, являются собой как бы новый вариант итальянской позитивистской школы уголовного законодательства, получивший развитие в работах Р. Гарофало, Э. Ферри¹². Следует заметить, что Ф. Грамматика представлял свои идеи как гуманные, отрицавшие право государства наказывать преступников за совершенные преступления; его предложения сводились главным образом к установлению антисоциальной направленности личности преступника вместо традиционного понятия вины, осуществлению ресоциализации посредством лечебных и принудительных специальных мер.

Однако отказ от использования в правоприменительной практике точных составов преступления, понятия вины, оснований уголовной ответственности, замена их, например, понятием опасного состояния личности, мер безопасности, не имеющих в уголовном законе описания качественных и количественных признаков, неминуемо чревато, как свидетельствует история уголовного права, произволом в отправлении уголовного правосудия.

Новая социальная защита М. Анселя, развившись в русле общей тенденции этого направления в юридической науке, не отрицает основных и фундаментальных положений и институтов уголовного права. Основной вывод М. Анселя состоит в том, что чувство индивидуальной ответственности является определенной психологической и социальной реальностью, с которой необходимо считаться¹³. Сторонники новой социальной защиты исходят из убеждения, что необходимо применять в отношении преступников с целью их исправления и перевоспитания лишь гуманные меры воздействия. Они выступают против всех тех мер, включая и так называемые специальные меры социальной защиты, которые противоречат понятиям «человеческое достоинство» и «справедливость».

Вторая особенность подхода, по сравнению с прежними теориями социальной защиты, заключается в том, что при применении специальных мер в отношении преступника должны быть соблюдены все

правовые гарантии личности. Основанием применения указанных мер не может быть только факт установления одного опасного состояния личности без совершения преступного деяния, свидетельствующего о такого рода состоянии человека.

Оценивая представленную концепцию, прежде всего следует отметить, что она не нова. Ее истоки также усматриваются в теории социальной защиты Э. Ферри. Вклад М. Анселя в развитие идеи социальной защиты, на наш взгляд, состоит в том, что им была предпринята попытка объединить основные положения соответствующей концепции с институтами уголовного права, которые обеспечивают законность в отправлении правосудия: виновность, основания уголовной ответственности, тяжесть совершенного преступления.

Концепция некарательного воздействия являет собой, на наш взгляд, вариант развития позитивистских идей в виде учения о прирожденном преступном типе (Ч. Ломброзо), теорий опасного состояния и преступника – больного человека, подлежащего лечению (Э. Ферри, Р. Гарофало).

Б.С. Никифоров в своей аналитической статье, посвященной книге Д. Митфорда «Мягкое и обычное наказание», весьма справедливо замечает: «Теория преступника – больного человека, поступившего в тюрьму для “лечения”, используется в целях создания для заключенных режима, регулируемого не правом, а психиатрическими рецептами. Эта теория создает видимость законности. Они успокаивают общественную совесть ссылками на то, что тюрьмы и кара заменяются гуманной альтернативой – тюрьмой для лечения»¹⁴.

Сам же Д. Митфорд утверждает, что преступный тип в самом деле существует, однако это не биологическая, анатомическая, френологическая или антропологическая категория, это, скорее, социальное явление¹⁵. Данный тезис ученого, критически оценивающего позитивистские подходы к изучению проблемы преступности, содержит отсылку к методологической основе, на которой зиждется учение о некарательном воздействии.

Становится совершенно очевидным, что если встать на позиции концепции преступника – больного человека, который совершает преступление в силу причин, кроющихся в самой его природе (прирожденных качествах, наклонностях), то лечение путем применения специальных медицинских, психологических и иных методик будет наиболее предпочтительным направлением в

юридической науке, изучающей меры борьбы с преступностью. Однако практика применения мер некарательного воздействия в ряде зарубежных стран свидетельствует о наличии глубоких внутренних противоречий в рассматриваемой теории. В частности, уголовный закон Швеции 1965 г., отменивший действие уголовного кодекса 1864 г., был основан на положениях и выводах концепции некарательного воздействия – в нем допускалась возможность применения лишения свободы на неопределенный срок в зависимости от скорости выздоровления преступника – больного человека. Вопреки ожидаемым результатам для лиц, находившихся на излечении, наступили отрицательные последствия социально-психологического и психиатрического характера, так что шведская национальная уголовно-правовая доктрина вынуждена была вновь вернуться на позиции неоклассического направления.

Концепция некарательного воздействия в силу своей социально-правовой природы предусматривает такую широту усмотрения органов государственной власти, применяющих необходимые социальные меры, что при этом, по утверждению норвежского криминолога И. Анденеса, стираются всякие границы, а сама процедура превращается, по сути, в произвол¹⁶.

Весьма любопытными в этом отношении являются выводы, сделанные по итогам многолетнего применения мер некарательного воздействия Комитетом по изучению тюремного заключения США: «Реабилитационная модель, несмотря на то что она ориентирована на понимание заключенного и заботу о нем, оказалась более жестокой и карательной, чем откровенно карательная модель... Под прикрытием доброжелательства расцвело лицемерие, и каждый новый акт манипулирования заключенными неизбежно изображается как благое дело. Приговаривать людей, виновных в одинаковых преступлениях, к различным мерам воздействия во имя их реабилитации, наказывать не за деяние, а в связи с условиями его совершения – значит нарушать фундаментальные принципы равенства и справедливости»¹⁷.

Таким образом, рассмотренная нами концепция некарательного воздействия обнаружила свою несостоятельность в силу действия такого объективного критерия, как полный разрыв с фундаментальными положениями уголовного права, обеспечивающими законность и справедливость в отправлении правосудия, что перевело это учение в разряд схоластических теорий, не востребованных жизнью.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Часть общая. М., 1924. С. 53–54.
- ² См.: Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908. С. 243.
- ³ Принс А. Защита общества и преобразования уголовного права. М., 1912.
- ⁴ См.: Ферри Э. Уголовная социология. С. 335.
- ⁵ См.: Там же. С. 212.
- ⁶ См.: Там же. С. 213.
- ⁷ См.: Там же. С. 245.
- ⁸ См.: Лист А. Задачи уголовной политики. СПб., 1895. С. 19–21.
- ⁹ См.: Ансель М. Новая социальная защита. М., 1970. С. 91.
- ¹⁰ См.: Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Часть общая. С. 53.
- ¹¹ Пашуканис Е. Общая теория права и марксизм: опыт критики основных юридических понятий. М., 1926. С. 23.
- ¹² См.: Ансель М. Новая социальная защита. М., 1970. С. 6 (автор вступительной статьи – А. Пионтковский).
- ¹³ См.: Там же. С. 47.
- ¹⁴ Никифоров Б.С., Митфорд Д. Мягкое и обычное наказание (Тюремный бизнес). Нью-Йорк, 1975 // Советское государство и право. 1978. № 8. С. 153.
- ¹⁵ См.: Там же. С. 153–154.
- ¹⁶ См.: Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979. С. 251.
- ¹⁷ Цит. по: Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985. С. 7.
- ¹ Sm.: Piontkovskij A.A. Uголовное право RSFSR. Chast' obshhaja. M., 1924. S. 53–54.
- ² Sm.: Ferri Je. Uголовnaja sociologija. M., 1908. S. 243.
- ³ Prins A. Zashhita obshhestva i preobrazovanija ugovolnogo prava. M., 1912.
- ⁴ Sm.: Ferri Je. Uголовnaja sociologija. S. 335.
- ⁵ Sm.: Tam zhe. S. 212.
- ⁶ Sm.: Tam zhe. S. 213.
- ⁷ Sm.: Tam zhe. S. 245.
- ⁸ Sm.: List A. Zadachi ugovolnoj politiki. SPb., 1895. S. 19–21.
- ⁹ Sm.: Ansel' M. Novaja social'naja zashhita. M., 1970. S. 91.
- ¹⁰ Sm.: Piontkovskij A.A. Uголовное право RSFSR. Chast' obshhaja. S. 53.
- ¹¹ Pashukanis E. Obshhaja teorija prava i marksizm: opyt kritiki osnovnyh juridicheskikh ponjatij. M., 1926. S. 23.
- ¹² Sm.: Ansel' M. Novaja social'naja zashhita. M., 1970. S. 6 (avtor vstupitel'noj stat'i – A. Piontkovskij).
- ¹³ Sm.: Tam zhe. S. 47.
- ¹⁴ Nikiforov B.S., Mitford D. Mjagkoe i obychnoe nakazanie (Tjuremnyj biznes). N'ju-Jork, 1975 // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1978. № 8. S. 153.
- ¹⁵ Sm.: Tam zhe. S. 153–154.
- ¹⁶ Sm.: Andenes I. Nakazanie i preduprezhdenie prestuplenij. M., 1979. S. 251.
- ¹⁷ Cit. po: Kristi N. Predely nakazaniya. M., 1985. S. 7.

Проблемные вопросы применения амнистии в отношении лиц женского пола, содержащихся под стражей

А.А. ПАВЛОВ – заместитель директора по административно-хозяйственной части Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

В статье рассматриваются вопросы применения специфического вида освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания вследствие вступившего в законную силу акта амнистии в отношении женщин, содержащихся в следственных изоляторах. Представлен анализ причин, по которым распространение амнистии на лиц указанной категории представляется большим социальным благом, нежели осуждение за совершенное преступление. В завершение сформулированы рекомендации по теоретическим и практическим аспектам реализации амнистии в отношении лиц женского пола, содержащихся в следственных изоляторах до вступления в законную силу приговора суда либо отбывающих лишение свободы.

Ключевые слова: амнистия; освобождение от уголовной ответственности; освобождение от уголовного наказания; женская преступность; принцип гуманизма; уголовная политика.

Problematic issues of amnesty in respect of female persons in custody

A.A. PAVLOV – Deputy Director of the North-West Institute (branch) of the O.E. Kutafin University. (MSAL), Ph.D. in Law

In the present work looks at the use of a specific form of exemption from criminal liability and criminal punishment due to come into legal force of the act of amnesty in respect of women in pretrial detention. Presents an analysis of the reasons for the spread